

Л. Н. Арбачакова, И.А. Невская

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СКАЗИТЕЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПИСЕЙ ШОРСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ)

В данной статье на примерах расшифрованных рукописных текстов героических сказаний рассматриваются индивидуальные особенности словоупотребления сказителей.

Сказители используют сходные стилистические и коммуникативно-прагматические средства. Во-первых, каждого из сказителей отличают особенности их родного диалекта или говора, как лексические, так и грамматические. Во-вторых, для современных сказителей типично широкое использование русских заимствований, как глобальных копирований, так и частичных. В-третьих, практически все исполнители используют просторечные стяженные формы глаголов, местоимений, существительных, характерные для устной речи. В-четвертых, сказители очень часто используют предпочитаемые ими коммуникативно-прагматические частицы, которые достаточно сложно перевести на русский язык и которые в обработанных фольклорных текстах часто опускаются их издателями (*полза; тедир; ноо*). В-пятых, у каждого исполнителя есть собственная (индивидуальная) лексика, употребляемая им во время эпического исполнения.

Устный регистр исполнения эпического текста делает особенно проминентным использование коммуникативно-прагматических частиц. Каждый из рассмотренных сказителей предпочитает ту или иную частицу при том, что практически все они при исполнении используют все вышеупомянутые частицы. Эти частицы принадлежат устному регистру исполнения текста, помогая сказителю психологически настроиться на дальнейшее исполнение, собраться с мыслями и т. п. В то же время они выполняют важные семантические и прагматические функции.

Тедир подчеркивает пересказываемость текста: *как говорят, насколько я могу судить, по мере моего понимания, насколько я видел или слышал, как оказалось* и т. п. *Изэ* употребляется как маркер верности передачи смысла эпоса. *Полза*, широко использующееся в шорском языке как частица, маркирующая смену темы высказывания, в эпических текстах может становиться частицей, служащей для выражения повествовательного стилистического приема *саспенс*, помогающего сказителю повысить интерес слушателя к продолжению текста.

При общности этих особенностей для всех представителей современного поколения сказителей конкретный выбор того или иного полнозначного слова, его формы или прагматической частицы являются индивидуальными для каждого из сказителей. По этим «собственным» сказительским словоупотреблениям и предпочтениям, как по почерку, можно определить личность *кайчи*.

Ключевые слова: *шорский язык, лексика, героическое сказание, сказители, индивидуальные (собственные) слова, коммуникативно-прагматические частицы, аудиозапись.*

1. Вводные замечания

Шорцы — малочисленный коренной народ Южной Сибири, проживающий на юге Кемеровской области, у которых с древнейших времен существовала богатая устная поэзия. Наиболее популярным и крупным жанром шорского фольклора являлся *алыптыг ныбак*, или *кай ныбак* — богатырское (героическое) сказание, которое исполняется горловым пением в сопровождении игры на двухструнном музыкальном инструменте *кай-комус*. Исполнителя этого жанра называют *кайчи* (сказитель).

В настоящее время традиция устного бытования эпических повествований практически угасла. Если раньше во многих шорских деревнях было по несколько *кайчи*, то в настоящее время в Горной Шории их нет.

Например, исполнитель героического эпоса М. К. Кауцаков, 1934 г. р., в начале 1990 г. ушел в секту «Свидетели Иеговы» и с тех пор перестал сказывать эпос. В 2007 г. трагически

погиб носитель шорской эпической традиции В. Е. Таннагашев (1934–2007), относившийся к мрасской сказительской школе.

Известный шорский фольклорист А. И. Чудояков выделял три сказительские школы: две в Северной Шории (кондомская и мрасская) и одну в Южной Шории. При этом он сожалел, что «традиция кая Южной Шории осталась неизученной, так как живая практика горлового пения оборвалась в годы Великой Отечественной войны. С войны не вернулись многие талантливые шорские кайчи». Здесь же ученый упомянул еще об одной верхнетомской сказительской школе, когда писал про сказителя Д. К. Турушпанова (ШГС, 1998: 15), исполнители которой пели с ярко выраженным элементом секания/зекания, в то время как нижне-мрасскому (т. е. литературному варианту шорского языка) характерно шекание/жекание.

Об угасании традиции устного бытования эпических повествований, а также об особенностях эпической исполнительской традиции, проявляющихся в случайных оговорках, повторах и русизмах, уже писали фольклористы (Арбачакова, Кузьмина, 2014; Арбачакова, 2017).

В данной статье на примере аудиозаписей героических сказаний, записанных в разное время С. К. Павлючиком, Д. И. Функом и Л. Н. Арбачаковой от шорских *кайчи* Д. К. Турушпанова (1917–1983), М. Е. Токмагашевой (192? –1984?), А. В. Рыжкина (1924–2003), А. П. Напазакова (1937–2004) и В. Е. Таннагашева (1932–2007), являющихся в основном представителями мрасской и верхнетомской (Д. К. Турушпанов) сказительских школ, рассматриваются особенности употребления лексики отдельными сказителями (собственные сказительские словоупотребления).

Исследовательница алтайского фольклора З. С. Казагачева главной отличительной особенностью трех сравниваемых ею алтайских сказителей считает их язык: «...тексты каждого сказителя отличаются стилистикой, богатством и разнообразием форм живой народной речи» (Казагачева, 2002: 90).

2. Индивидуальные особенности некоторых из последних шорских сказителей

2.1 Индивидуальные особенности сказителя А. В. Рыжкина

Афанасий Васильевич Рыжкин родился в селе *Шана Кол* (рус. ‘Лыжный Лог’), ныне пос. Улус Междуреченского района; он имел образование 4 класса. Сказывать он начал после смерти своей матери, примерно с 55 лет. От А. В. Рыжкина с 1995 по 1998 гг. мы записали 5 героических сказаний, которые он исполнил традиционным *каем* (горловым пением), в сопровождении двухструнного музыкального инструмента — *кай-комуса*.

2.1.1 В расшифрованном нами сказании «Алтын Кан» он использовал русизмы в неадаптированном виде: *лучше, прямо, еще, неужели, давно, недавно*. Типичным способом заимствования русских глаголов является в его текстах использование русского инфинитива в сочетании с шорским глаголом *эт-* ‘делать’: *мешать эт-* ‘мешать’.

2.1.2 А. В. Рыжкин услышал в устойчивых словосочетаниях: *қалқалығ көзнек / қалқалығ эжик* ‘створчатое окно / створчатые двери’ благозвучное русское слово *колпак*. В шорской адаптации *қалпалығ* стало близким по звучанию слову *қалқалығ*. Несмотря на то, что по значению они отличаются, в сочетании со словом *көзнек* ‘окно’ или *эжик* ‘дверь’ они им переводятся аналогично указанному сочетанию со словом *қалқалығ*: *қалпалығ көзнек / қалпалығ эжик* ‘створчатое окно / створчатые двери’.

2.1.3 Особенно «любимым» выражением А. В. Рыжкина является словосочетание *ам келип, анаң* ‘вот, придя, затем’, произносимое им после каждой музыкальной тирады в записанных нами сказаниях («Алтын Кан», «Эргек пажы Кан Эргек», «Алтын Эргек» и др.). Лексическое значение наречия *ам* ‘сейчас, в этот момент’ в данном употреблении стирается, они приобретают значение дейктического местоимения ‘вот, тут’. Выражение в целом соответствует русскому ‘так вот, (что случилось) далее’; оно реферирует в прошлое, как бы подводя

промежуточный итог рассказанному ранее, а также антиципирует то, что произойдет далее; см. (1).¹

- (1) а. *Ам кел-ип, анаң маттап көр-ген-им.*
сейчас прийти-CVB затем хорошо смотреть-PRF-1SG
'Так вот, далее внимательно посмотрел.'
- б. *Ам кел-ип, энчи кижси сура-ган-да...*
сейчас прийти-CVB женщина человек спросить-PRF-LOC
'Так вот, далее, когда женщина спросила...'
- в. *Ам кел-ип, эзен-менчи пер-ип...*
сейчас прийти-CVB приветствие-поклон дать-CVB
'Так вот, далее, поприветствовав-раскланявшись...'
(рукопись сказания «Алтын Кан»).

2.1.4 Наречие *ам* и междометия *ээде / эзе* сказитель любил использовать в начале строк; см. (2).

- (2) а. *ам паи-ты паи-па*
сейчас голова-ACC голова-INS
сал-ып-кел-ип...
класть-CVB-приходить.AUX-CVB
'Вот, голову на голову положив...'
- б. *Ээде қыйгыр-ыбыс-қан тем-де...*
так крикнуть-PERF-PRF.PART время-LOC
'Когда так крикнул...'
- в. *Ээдоқ айлан келем...*
так.PTC вернуться прийти.AUX.FUT.1SG
'Так же я вернусь...'
- г. *Эзе, — те-дир, — кенчи тыңмы-лар-ым...*
так сказать-IND милый младший.брат-PL-POSS1SG
'Эзе, — сказал, оказывается — милые младшие братья...'
(рукопись сказания «Алтын Кан»).

2.1.5 Другим характерным для Афанасия Васильевича словосочетанием является *по черге келчат* 'в эту землю идя'; см. (3).

- (3) а. *По чер-ге кел-чат,*
этот земля-DAT прийти-CVB
алып-тар кел чыл-ган пол-тур.
богатырь-PL прийти-собраться-PART.PFT быть-IND
'В эту землю придя, алыпы собрались, оказывается.'
- б. *По чер-де кел-чат, анаң маттап көр-ген-нер-и.*
этот земля-LOC идти-CVB затем хорошо видеть-PFT-PL-3
'В эту землю придя, затем внимательно пригляделись.'
(рукопись сказания «Алтын Кан»).

¹ В глоссах мы используем сокращения, предложенные в Лейпцигских правилах глоссирования; см. <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php> (09.04.2020). PERF мы используем для обозначения способа глагольного действия, а PRF для перфекта; PN — имя собственное, INTERJ — междометие, IND — индикатив.

2.1.6 Частицу *тедир*, образовавшуюся от глагола *те-* ‘сказать’ он употребляет в конце практически каждой строки, см. (4).

- (4) *Ийгеле* *чүгүр-ча-лар*, — *те-дир*.
 вдвоем *бежать-PRS-PL* *сказать-IND*
Пирде *қара қор* *ат* *ал-ча*, — *те-дир*,
 иногда *темный* *каурый* *конь* *брать(верх)-PRS* *сказать-IND*
 ‘Вдвоем бегут, — сказал, оказывается. Иногда темно-каурый конь
 побеждает, — сказал, оказывается.’ (рукопись сказания «Алтын Кан»).

Слово *тедир* ‘сказал / говорил, оказывается’ является формой индиректива (Johanson, 2000: 61–89) от глагола *те-* ‘сказать, говорить’, т. е. шорским маркером категории, выражающей передачу содержания высказывания опосредованно (Nevskaya, 2002; Исхакова и др., 2007): 1) как пересказ информации, полученной от другого лица/лиц (англ. *hearsay*): *как говорят, по словам X*, 2) как логический вывод о произошедшем событии, судя по его последствиям (англ. *inference*): *по-видимому, очевидно* и т. п. (Chafe & Nichols, 1986; Johanson & Utas, 2000 и др.), 3) как неожиданное событие, вызвавшее удивление (*как оказалось* и т. п. — англ. *(ad)mirative*) (DeLancey, 1997). Шорский показатель индиректива — это аффикс *-дыр* (Nevskaya, 2002: 307–323; Исхакова и др., 2007: 469–519), который присутствует в слове *тедир*.

При его частотном употреблении в речи сказителей это слово, видимо, превращается в шорском языке в прагматическую частицу, которая, отчасти теряя исходное значение индирективности, служит, с одной стороны, для сказителя неким «заполнителем пауз» при исполнении эпоса, а с другой стороны, ее употребление подчеркивает эпическую эвиденциальность, т. е. передачу некоего произведения из уст в уста в течение многих поколений, которая присуща всем эпическим произведениям.

2.1.7 В сказании «Алтын Кан» сказитель в начале ряда друг за другом следующих строк иногда использовал русизм ‘еще’; см. (5).

- (5) *Еще* *алты* *күн-ге* *шыгара*
 ещё *шесть* *день-DAT* *в. течение*
Еще *тайлық* *чөр-д-и*.
 ещё *скользить* *идти-PSST-3*
Еще *алты* *күн-нең* *пажында ...*
 ещё *шесть* *день-ABL* *через*
 ‘(Еще) в течение шести дней, (Еще) подскользясь, шел. (Еще) через
 шесть дней...’ (рукопись сказания «Алтын Кан»).

Эта частица служит тут как слово, способствующее продвижению вперед повествования, и так же, как и шорское слово *иза/изä* (см. 2.3), способствует нарастанию напряжения слушателей, подводя их к кульминации событий: *и вот он шел (все дальше и дальше), скользя (и падая), целые шесть дней подряд. И вот, через 6 дней, случилось ... ЧТО?*

2.2. Индивидуальные особенности сказителя Д. К. Турушпанова

2.2.1 Д. К. Турушпанов, проживший всю жизнь на берегу реки Томи в селе Корай (г. Междуреченск), при исполнении эпоса использовал свой родной диалект, особенно яркой особенностью которого является секание/зекание вместо нижнеурасского (литературного) шекания/жекания: *асқым* вместо *ашқым* ‘перевал’; *сарчын* вместо *шарчын* ‘коновязь’; *эзиктиг* вместо *эжиктиг* ‘двери’. Данная диалектная черта встречается во всех сказаниях,

исполнявшихся Д. К. Турушпановым (например: «Мерет Олак, имеющий волшебного рыжего коня», далее «Мерет Олак»; «Алып Тават»). Все сказания были исполнены им традиционным *каем* (горловым пением), в сопровождении двухструнного музыкального инструмента — *кай-комуса*.

2.2.2 Д. К. Турушпанов вместо шорского междометного возгласа *эккей*, выражающего в героических сказаниях огорчение (или удивление), использовал в шорской огласовке русское словосочетание *эх, ты*. Таким образом, получился типичный турушпановский возглас *эктий*, близкий по произношению и по смыслу междометию *эккей*. Этот возглас мы многократно встречаем при исполнении сказаний: «Мерет Олак» и «Алып Тават»; см. (6).

- (6) *Эктий*, *нал-лар-ым*, — *те-дир*.
 INTERJ ребенок-PL-POSS1SG сказать-IND
 ‘Эктий, мои дети, — сказала, оказывается.’
 (рукопись героического сказания «Мерет сар аттыг Мерет Оолак»).

2.2.3 В турушпановских текстах почти каждая строка сопровождается труднопереводимым, а обычно и непереуведенным, словом *полза*, не имеющим русского аналога; иногда в словосочетании *тепкел полза* ‘говоря’.

Оно является условной формой глагола *пол-* ‘быть’, имеющей также временную и каузальную семантику: *полза* ‘если / когда / поскольку (это) есть (так / такой и т. д.)’. Оно широко используется в шорском языке как частица, маркирующая смену темы высказывания: *Чаш Кёок туңмазы полза...* ‘а что касается его сестры Чаш Кёок... (досл.: если/когда это есть его сестра...)’. При частом употреблении, как у Д. К. Турушпанова, его семантика и прагматические функции меняются: оно становится словом, помогающим сказителю вызвать эффект *саспенса* у слушателей (англ. *suspense* ‘напряженность, неизвестность, напряжение’). С каждым последующим употреблением этого слова сказителем напряжение слушателей все нарастает, они с нетерпением ждут кульминации событий, ответа на вопрос *Что же случилось далее?*; см. (7).

- (7) *Чаш Кёок* *туңма-зы* *пол-за*,
 PN младшая.сестра-POSS3 быть-COND
Мойд-ун-га *артық-кел*, *пол-за*,
 шея-POSS3-DAT виснуть-прийти.AUX быть-COND
Қыр Ореккен *ўче-зи* *пол-за*,
 PN бабушка-POSS3 быть-COND
Оң *қол-ы-наң* *кел қап*,
 правый рука-POSS3-ABL прийти сватить.AUX
Алтын *устал-дың* *арға-зын-га*
 золотой стол-GEN спина-POSS3-DAT
Кёк *устол-дын* *кёгре-зин-ге*
 синий стол-GEN видный-POSS3-DAT
одурт-упча.
 садить-PRS
 ‘Чаш Кёк, его сестра, На его шее повиснув, Кыр Ореккен, его бабушка,
 За правую руку схватив, На почетное место золотого стола, На видное
 место синего стола (его) усадили.’ (рукопись сказания «Мерет Олак»).

2.2.4 Д. К. Турушпанов также очень часто использует слово *тедир* ‘сказал, оказывается’, которое, как правило, в переводах опускается.

2.2.5 Д. К. Турушпанов, исполняя сказания «Алып Табат», использует русские слова, как в неадаптированной форме: *только, лучше, еще, то ли, раз, тоже, если, самый, и, портной, уже, весь*, — так и в адаптированной в шорском языке форме с присоединением шорских аффиксов: *законумда, замоктиг*. Он использует также фразеологизмы или устойчивые выражения, являющиеся кальками выражений русского фольклора (*куштуң сүди ле чогул...* ‘лишь птичьего молока не было’), *өлиг да чоқ, тириг да чоқ* ... ‘ни мертвого, ни живого нет’ (рукопись героического сказания «Мерет Олак»).

2.3. Индивидуальные особенности сказительницы М. Е. Токмагашевой

От Марии Ермолаевны Токмагашевой (уроженки села Казас, ранее расположенного в Кемеровской области; ныне села нет) Д. А. Функ записал шесть (?) героических сказаний, исполненных без музыкального сопровождения, речитативом.

2.3.1 Сказительница М. Е. Токмагашева в сказании «Алып Чеккатый» использует русские слова, как в неадаптированной форме: *вот, и еще, аха, эх, тоже, раз, правильно, лучше, всё, книга, что, а, ой*, — так и в адаптированной в шорском языке форме с присоединением шорских аффиксов: *замогин, столдың, насийле, қарманга*.

2.3.2 У Марии Ермолаевны Токмагашевой слово-утверждение *иза/изä* в сочетании со словом *тедир* ‘сказал, оказывается’ встречается в конце почти каждой строки на протяжении всего исполнения сказания «Алып Чеккатый»; см. (8).

- (8) *Алып* *чақшы-лар-ы,* *те-дир,* *и-за,*
 богатырь *хороший-PL-POSS3* *сказать-IND* *быть-COND*
Қайдығ *чер-ге* *пар-чыған* *пол-ған,* *те-дир,*
 какой *земля-DAT* *ехать-PART.IPFT* *быть-PFT* *сказать-IND*
и-за ...
быть-COND
 ‘... лучшие из алыпов, — так сказал, оказывается, — в какую землю поедут, — так сказал, оказывается...’ (рукопись сказания «Алып Чеккатый»).

Частица *изä*, несомненно, произошла от условной формы древнего общетюркского бытийного глагола *и-* / *э-* ‘быть’, который в шорском языке сохранился только в составе ряда функциональных слов и частиц: *изä* ‘если / когда / как / так как есть’. Она подчеркивает верность передачи смысла эпоса и является естественным явлением для устного, живого исполнения фольклорных произведений. Поскольку ей сложно подобрать русский аналог, ее, как и ряд других шорских прагматических частиц, обычно не переводят на русский язык.

2.4. Индивидуальные особенности сказителя В. Е. Таннагашева

В последние десятилетия, когда живая сказительская традиция шорского народа еще находилась на грани полного угасания, у Л. Н. Арбачаковой была возможность сделать уникальные аудиозаписи около 30 героических сказаний в исполнении выдающегося представителя мрасской сказительской школы В. Е. Таннагашева. По нашим сведениям, будущий сказитель родился в Мысковском районе Кемеровской области, в селе *Колдиге аал* (ныне села нет); он закончил 7 классов. Он с четырех лет слушал выступления известных в Горной Шории сказителей: Морошка (Н. А. Напазаков), Акмета (А. И. Абакаев) и уже тогда твердо решил посвятить себя этому искусству. Некоторые сказания были исполнены сказителем традиционным *каем* (горловым пением), в сопровождении двухструнного музыкального инструмента — *кай-комуса*, а часть — речитативом.

2.4.1 Особенностью таннагашевских текстов является употребление во время небольшой заминки непереводаемого слова-сорняка *ноо*, не имеющего смысловой нагрузки. Его

лексическое значение — это вопросительное местоимение ‘что’, но в данных употреблениях его функцию можно сравнить с функцией русских частиц *ну, вот, значит, как его*. Заминка происходила, когда сказитель вспоминал имена *алыпов*, масти коней или подбирал нужное слово, например: *тогус қадыл ... ноо... қуяқ* ‘девятислойный ... *ноо* (этот, как его?) ... панцирь’; *ақ тайганың қара қорумы... ноо... қайазы*, ‘белой горы черный курумник ... *ноо* (этот, как его?) ... скала’. Здесь сказитель после слова *ноо* исправил «курумник» на «скалу», т. е. имелось в виду: *ақ тайганың қара қайазы* ‘белой горы черная скала’.

2.4.2 Кроме этого, тексты В. Е. Таннагашева пестрят частым употреблением слова *тедир* ‘сказал, оказывается’, которые в опубликованных переводах также часто опускаются. Мы приводим пример из героического сказания «Күннү көрген Күн Көök» («Солнце увидевшая Кюн Кёк») (СШК 2015), где в некоторых строках русского текста *тедир* ‘сказал, оказывается’ упущено, либо переведено близким по смыслу словом ‘спросил’; см. (9)

(9)	<i>Оно, аны</i>	<i>суңнаш</i>	<i>түш-ча-м, —</i>	<i>те-дир.</i>	
	вот он.АСС	догонять	спускаться.AUX-PRS-1SG	сказать-IND	
	<i>Сен ноо те-ген</i>		<i>алып</i>	<i>пол-чаң-зың?</i>	<i>те-дир.</i>
	ты что	называть-PART.PFT	богатырь	быть-HAB-2SG	сказать-IND
	<i>Көр-зе-м-көр-зе-м —</i>		<i>Алтын Топчу, —</i>	<i>те-дир,</i>	
	видеть-COND-1SG	видеть-COND-1SG	PN	сказать-IND	
	<i>Күн</i>	<i>чарығ-ы</i>	<i>алыб-ы-зың! —</i>	<i>те-дир.</i>	
	солнце	свет-POSS3	богатырь-POSS3-2SG	сказать-IND	
	<i>Күн</i>	<i>чарығ-ы</i>	<i>алыб-ым, —</i>	<i>те-дир.</i>	
	солнце	свет-POSS3	богатырь-POSS1SG	сказать-IND	
	<i>Ноо</i>	<i>алып</i>	<i>пол-айын? —</i>	<i>те-дир.</i>	
	что	богатырь	быть-IMP1SG	сказать-IND	

‘Вот, его догоняя, тоже спускаюсь, — сказал, оказывается. А ты что за *алып* будешь? — спросил, оказывается. Как погляжу, — Алтын Топчу, — говорит, оказывается. Ты ведь солнечного мира *алып*? — спросил, оказывается. Да, я солнечного мира *алып*, — тот сказал, оказывается. Что за *алып* я буду? — тот сказал, оказывается.’ («Күннү көрген Күн Кёök»).

2.4.3 Надо отметить, что во всех сказаниях присутствует образ самого *кайчи*; об этом подробнее см. статью (Арбачакова, 2003). В сказании «Свет Олак», переходя к другому персонажу, *кайчи* говорит: *А мен Свет Оолақпа полбодурчам*. ‘А я со Свет Олаком остаюсь.’ В эпосе «Ак Плек» *кайчи* появляется уже в зачине: *Алтын өрге пас кирдим*. ‘В золотой дворец я вошел.’ (СШК 2015).

2.4.4 Особенности говора сказителя отразились в чередовании звуков *ч/ж* в словах: *шачып*, вместо лит., *шажып*; *шачыбысты/шажыбысты*; *чедик/шедик*.

2.4.5 В опубликованных эпических текстах: «Ак Плек», «Свет Олак», «Солнце увидевшая Кюн Кёк» (СШК 2015), помимо адаптированных слов (*книгада* ‘в книге’, *столдың* ‘стола’, *қарманыңа/қарманға* ‘в (его) / карман’, *қарман-даң* ‘из кармана’, *қурва-ға* ‘курве’, *аднако* ‘однако’, *батинқа-наң* ‘из ботинка’) сказителем В. Е. Таннагашевым используются неадаптированные русизмы без шорской огласовки: *стол, ряд, ещё, курчавый, книга, и, сапоги*.

2.5. Индивидуальные особенности сказителя А. П. Напазакова

Сказитель А. П. Напазаков родился в поселке Чувашка (Мысковского района, Кемеровской области); образование 7 классов. С 12 лет он слушал сказания от своего дяди. С 1996 по 2002 гг. мы от него записали пять героических сказаний, которые он исполнил речитативом.

2.5.1 В героическом сказании «Куба Салгын» реже употребляет слово *тедир* ‘сказал, оказывается’, однако он часто употребляет междометия *эккей*; *эзе*: *Эккей, Алтын Қурчу*

куртийақ ‘Эккей, Алтын Курчу, старушка’; Эзе, Ақ Қаан, таңдаа күнде ‘Эзе, Ак Кан, завтра (на завтрашний день)’ и т. д. Он также часто употребляет междометие ай: Ай, Алтын Курчу, куртийақ ‘Ай, Алтын Курчу, старушка’.

2.5.2 Индивидуально и употребление А. П. Напазаковым некоторых слов и выражений в форме уменьшительно-ласкательных аффиксов *-(ы)чақ; -аш*: *Қара Мөкке-чек* (PN-DIM) ‘милый Кара Мёкчек’, *қазны-чақ* (свекровь-DIM) ‘свекровушка’, *қарағ-аж-ын* (глаза-DIM-POS3ACC) ‘глазки (видеть)’, *мал-ычақ* (скот-DIM) ‘скотик’, *эд-ичег-и* (тело/мясо-DIM-POSS3) ‘его/её тельце’ (рукопись героического сказания «Жуба Салгын»).

2.5.3 В сказании «Желтая гора, имеющая три очага/три участка земли» А. П. Напазаков использовал диалектные (кондомские) формы настоящего времени 3 л. с окончанием *-чыр*: *тур-чыр* вместо лит. *тур-ча* ‘стоит’; *пилдир-чир* вместо лит.: *пилдир-ча* ‘кажется’; *пас чөр-чыр* вместо лит. *пас чөр-ча* ‘ходит’; *шапкел одур-чыр* вместо лит. *шапкел одур-ча* ‘ударяет’ (рукопись героического сказания «Желтая гора, имеющая три очага/три участка земли»).

2.5.4 Во всех сказаниях А. П. Напазаков использовал русские заимствования в неадаптированном виде, например, существительные и прилагательные: *книга, жалоба, карман, пьяница, курчавый, слабый*. Кроме этого, в текстах встречаются русизмы в виде наречий (*лучше*); междометий (*ого, тьфу*), устойчивых сочетаний (*может быть, как раз*) и др.

Некоторые русизмы сказителем были адаптированы фонетически, а также получили шорские падежные окончания: *суд-ка* (*-ка* — аффикс направительно-дательного падежа); *кладовий-да* (*-да* — аффикс местно-временного падежа); *команда-ба* (*-ба* — аффикс совместно-орудного падежа); чисел: *гармонис-тер* (*-тер* — аффикс мн. ч.); лиц: *слава-м* (*-м* — поссессивный аффикс 1-го л. ед. ч.).

Иногда в процессе сказывания происходит взаимозамещение шорских и русских слов, или исполнители одно и то же слово могут произнести и по-русски и по-шорски, например, А. П. Напазаков продублировал русизм шорским словом: *лист-қат*.

3. Заключение

Шорские героические сказания отличаются, помимо богатого художественного языка, особенной (индивидуальной) лексикой, которой пестрят тексты современного исполнителя.

В результате изучения (и расшифровки) ряда героических сказаний, записанных С. К. Павлючиком, Д. И. Функом и Л. Н. Арбачаковой от пяти шорских сказителей, выяснилось, что сказители используют сходные стилистические и коммуникативно-прагматические средства. Помимо того, что все они в устном исполнении сохраняют свои диалектные особенности и используют разговорные стяженные формы, их речь изобилует русскими заимствованиями, а также коммуникативно-прагматическими частицами.

Основные индивидуальные особенности шорских сказителей мы суммируем в следующем.

Во-первых, каждого из сказителей отличают особенности их родного диалекта или говора, как лексические, так и грамматические.

Во-вторых, как уже отмечалось в предыдущих исследованиях (Арбачакова, Рожнова, 2008; Арбачакова, 2015), для современных сказителей типично использование русских заимствований, либо в шорской огласовке и с шорскими аффиксами (*устолга / командаба / книганы* ‘на стол / с командой / книгу’), либо в форме, максимально приближенной к русскому оригиналу (*правильно, лучше, книга, портной, пьяница, жалоба, лежит, настоящий*). Распространены и кальки русских фольклорных выражений. Некоторые русизмы настолько ассимилировались, что носителями языка они воспринимаются как родные слова (*недре* ‘ведро’, *парата* ‘ворота’, *кирлес* ‘крыльцо’) (Арбачакова, Рожнова, 2008; Арбачакова, 2015).

Тексты современных сказителей изобилуют и словами-сорняками, просторечиями, и вульгаризмами, воспринятыми из русскоязычной среды (*вишь, курвазы* ‘курва’, *махнашка*

‘мохнашка’), от которых «уровень эпического исполнительства снижается, нарушается природа героических сказаний» (Арбачакова, Кузьмина, 2011: 71).

В-третьих, практически все исполнители используют просторечные стяженные формы глаголов, местоимений, существительных, характерные для разговорной речи: *кел, парам, аа, маа* вместо *келип, парарым, ага, мага* ‘придя, пойду, ему, мне’. Такие просторечные усеченные формы являются типичным явлением при устном исполнении фольклорных произведений.

В-четвертых, сказители очень часто используют «любимые» ими коммуникативно-прагматические частицы, которые в обработанных фольклорных текстах часто опускаются их издателями (например: *полза; тедир; ноо*).

В-пятых, у каждого исполнителя есть собственная (индивидуальная) лексика, употребляемая им во время эпического исполнения, помимо предпочтительного использования той или иной коммуникативно-прагматической частицы.

Устный регистр исполнения эпического текста делает особенно проминентным использование коммуникативно-прагматических частиц. Они используются сказителями практически в каждой строке: *тедир* ‘сказал, оказывается (по-видимому / очевидно / по всей видимости)’, *изä* ‘так оно и есть’, *полза* ‘а что касается..., а тот..., а этот...’ и т. п. Их достаточно сложно перевести на русский язык. Нередко они опускаются при письменном издании исполненного эпоса.

Каждый из рассмотренных сказителей предпочитает ту или иную частицу при том, что практически все они при исполнении используют все вышеупомянутые частицы.

Эти частицы принадлежат устному регистру исполнения текста, помогая сказителю психологически настроиться на дальнейшее исполнение, собраться с мыслями, общаться со слушателями и т. п. В то же время они выполняют важные семантические и прагматические функции.

Тедир подчеркивает пересказывательность текста, т. е. ссылается на то, что это текст, выражающий особый тип эвиденциальности, а именно фольклорную пересказывательность, т. е. то, что сам сказитель не являлся непосредственным свидетелем повествуемых событий. Оно создает определенную дистанцию между эпическим повествованием и самим сказителем, который представляет содержание эпоса в опосредованном виде: *как говорят, насколько я могу судить, по мере моего понимания, насколько я видел или слышал, как оказалось* и т. п.;

Изä подчеркивает верность передачи смысла эпоса и является естественным явлением для устного, живого исполнения фольклорных произведений. Поскольку этой частице сложно подобрать русский аналог, ее, как и ряд других шорских прагматических частиц, часто опускают при издании эпосов и обычно не переводят на русский язык.

Полза, широко используемое в шорском языке как частица, маркирующая смену темы высказывания, в эпических текстах может становиться частицей, служащей для выражения повествовательного стилистического приема *саспенс* (англ. *suspense* ‘напряженность, неизвестность, напряжение’), помогающего сказителю повысить интерес слушателя к продолжению текста. С каждым последующим употреблением этого слова напряжение слушателей все нарастает, они с нетерпением ждут ответа на вопрос: Что же случилось далее?

При том, что эти особенности являются общими для всех представителей современного поколения сказителей, конкретный выбор того или иного однозначного слова, его формы или прагматической частицы являются индивидуальными для каждого из сказителей. По этим «собственным» сказительским словоупотреблениям и предпочтениям, как по почерку, можно определить личность *кайчи*, так как они индивидуальны и неповторимы для каждого из них. Кроме этого, по некоторым словам можно предположить, в каком настроении во время исполнения находился сказитель, как он общался со слушателями. Сохранение в ходе расшифровки аудиозаписей индивидуальных слов и произношений дополнительно подчер-

кивает изустную природу произведения, показывает формы общения сказителя со слушателями и говорит о достоверности расшифровки.

Список литературы:

- Арбачакова Л. Н.** Особенности эпического исполнения А. П. Напазакова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). Томск, 2017. Вып. 2 (16). С. 51–55.
- Арбачакова Л. Н.** Ролевые функции *кайчи* в шорских героических сказаниях // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. 2003. С. 92–95.
- Арбачакова Л. Н.** Русские заимствования в шорском эпосе // *Alkiš bitik. Scripta in honorem D. M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова / Отв. ред. Е. А. Оганова и др. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. С. 66–71.
- Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н.** Шорский эпос: признаки угасания традиции // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2014. С. 68–72.
- Арбачакова Л. Н., Рожнова С. П.** Русизмы в шорских фольклорных текстах // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Сб. науч. статей и материалов / Отв. ред. Г. Е. Солдатова. Новосибирск: Изд-во «Арта», 2008. С. 63–70.
- Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В.** Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Под ред. Храковского В. С. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 469–519.
- Казагачева З. С.** Алтайские героические сказания «Очы-Бала», «Кан-Алтын» (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 352 с.
- СШК 2015: Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / Отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. — С. 3–24.
- ШГС 1998: Шорские героические сказания. Кан-Перген. Алтын-Сырык / Вступ. ст., подгот. поэтического текста, пер., коммент. А. И. Чудоякова; музыковедческая ст. и подгот. нотного текста Р. Б. Назаренко. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).
- Chafe W. & Nichols J. (eds.)**. Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. [Advances in Discourse Processes. Volume XX]. Norwood, New Jersey: Praeger, 1986. 360 с.
- DeLancey S.** Mirativity: New vs Assimilated Knowledge as a Semantic and Grammatical Category // *Linguistic Typology*. Volume 1.1. 1997. P. 33–52.
- Johanson L. & Utas B. (eds.)** Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages. (Empirical approaches to language typology. Volume 24). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 61–89.
- Johanson L.** Turkic indirectives // Johanson, L. & Utas, B. (eds.) Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages. (Empirical approaches to language typology. Volume 24). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 61–89.
- Nevskaia I. A.** Evidentials, indirectives and miratives in Shor // Scholarly depth and accuracy. A Festschrift to Lars Johanson / Eds: Demir, N. & Turan, F. Ankara: Grafiker, 2002. P. 307–323.

Список источников:

Рукописи шорских героических сказаний

- «Алтын Кан» («Алтын Қаан»). Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. В. Рыжкина. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
- «Алып Чеккатый». Зап. в 1980 (?) г. Д. А. Функ от М. Е. Токмагашевой. Домашний архив Д. А. Функа.
- «Куба Салгын» (Куба Салғын). Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
- «Мерет Олак, имеющий волшебного рыжего коня» («Мерет сар аттыг Мерет Оолақ»). Зап. С. К. Павлючик в 1983 (?) г. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).
- «Желтая гора, имеющая три очага/три участка земли» [«Ўш очуктыг Сарыг Тайға»] Зап. в 2002 г. Л. Н. Арбачаковой от А. П. Напазакова. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

Арбачакова Любовь Никитовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири.

Ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090.

E-mail: anzass@mail.ru

Невская Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири.

Ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090.

E-mail: nevskeyairina60@gmail.com

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2020 г.

L. N. Arbachakova, I. A. Nevskaya

INDIVIDUAL LINGUISTIC PECULIARITIES OF A STORYTELLER (THE CASE OF SHOR HEROIC EPIC STORIES' RECORDINGS)

This article deals with individual peculiarities of word usage by Shor storytellers (*qaychi*'s). We have analyzed (and, partially, deciphered) a row of manuscripts of Shor heroic epic stories and delineated some linguistic features typical for a certain storyteller.

Storytellers use similar or identical stylistic devices and communicative and pragmatic means. Firstly, each storyteller preserves the features of his or her dialect or subdialect, both lexical and grammatical ones. Secondly, modern storytellers widely use Russian borrowings as global or partial copies. Thirdly, practically all storytellers use typical for the spoken language contracted forms of verbs, verbal forms, pronouns and nouns. Fourthly, storytellers abundantly use communicative and pragmatic particles of their choice. Such particles are difficult for translation into Russian; they are often omitted in written editions of epic texts (e. g. *polza*, *tedir*, *noo*, etc.). Fifthly, each storyteller has its own individual expressions and words.

The oral register of telling an epic story makes the use of communicative and pragmatic particles especially prominent. Each storyteller has his or her preferred particles used most often, although, of course, all particles can be used by any storyteller. Such particles help the storyteller to collect his or her thoughts, to communicate with the listeners, etc.; moreover, they fulfill very important semantic and pragmatic functions:

Tedir stresses the hearsay evidentiality of epic texts or a certain distance of the speaker to the narrated events meaning 'as one says, as people say, as far as I can judge, as far as I could understand, it has appeared (to me), etc.' *Izä* in epic texts stresses the adequacy of a narration. *Polza* is used in Shor as a particle marking switch reference (as for ...); in epics, it is a particle serving as a stylistic device *suspense*, and helping to raise the interest of the listeners in the continuation of the story.

Even if these features are common to all storytellers whose epic texts we have analyzed, their choices of a certain word, expression or form are individual. Certain words and peculiarities of their usage indicate the personality of a storyteller, similar to his typical handwriting; both of them are individual and unique. Moreover, some usages give a clue to the emotions and the state of mind of the *qaychi* during his performance.

Key words: *the Shor language, vocabulary, heroic epic story, storyteller, individual word usage, communicative and pragmatic particles, audio recording.*

References:

- Arbachakova L. N.** Osobennosti epicheskogo ispolnenija A. P. Napazakova [Peculiarities of epic story telling by A. P. Napazakov] // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. Tomsk, 2017. Vol. 2 (16). P. 51–55.
- Arbachakova L. N.** Rolevyje funkicii qaychi v shorskix geroicheskix skazanijax [Roles of qaychi in Shor heroic epic stories] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk, 2003. Vol. 3. P. 92–95.
- Arbachakova L. N.** Russkie zaimstvovaniya v shorskom epose [Russian borrowings in Shor epics] // Alkiš bitik. Scripta in honorem D. M. Nasilov. Sbornik statey k 80-letiyu D. M. Nasilova / Editors: E. A. Oganova et al. Moscow: Izdatel'stvo MBA, 2015. P. 66–71.
- Arbachakova L. N., Kuz'mina E. N.** Shorskiy epos: priznaki ugasaniya traditsii // Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri. [Shor epics: the signs of dying away of traditions // Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia] Novosibirsk. 2014. P. 68–72.

- Arbachakova L. N., Rozhnova S. P.** Rusizmy v shorskikh fol'klornykh tekstakh [Russian borrowings in Shor folklore texts] // Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klоре narodov Sibiri. [Russisms in Shor folklore texts] / Chief editor: G. E. Soldatova. Novosibirsk: Izd-vo «Arta», 2008. P. 63–70.
- Chafe W. & Nichols J. (eds.)**. Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. [Advances in Discourse Processes. Volume XX]. Norwood, New Jersey: Praeger, 1986. 360 с.
- DeLancey S.** Mirativity: New vs Assimilated Knowledge as a Semantic and Grammatical Category // Linguistic Typology. Volume 1.1. 1997. P. 33–52.
- Iskhakova H. F., Nasilov D. M., Nevskaya I. A., Shentsova I. V.** Evidentsional'nost' v tyurkskikh yazykakh [Evidentiality in Turkic languages] // Evidentsional'nost' v yazykakh Evropy i Azii / Editor: Khrakovskiy V. S. Sankt-Petersburg: Nauka, 2007. P. 469–519.
- Johanson L. & Utas B. (eds.)**. Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages. (Empirical approaches to language typology. Volume 24). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Johanson L.** Turkic indirectives // Johanson, L. & Utas, B. (eds.). Evidentials: Turkic, Iranian and neighboring languages. (Empirical approaches to language typology. Volume 24). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 61–89.
- Kazagacheva Z. S.** Altaiskie geroicheskie skazaniya «Ochy-Bala», «Kan-Altyn». (Aspekty tekstologii i perevoda) [The Altaj heroic epic stories «Ochy-Bala», «Kan-Altyn» (Aspects of textual criticism and translation)]. Gorno-Altajsk, 2002. 352 p.
- Nevskaya I. A.** Evidentials, indirectives and miratives in Shor // Scholarly depth and accuracy. A Festschrift to Lars Johanson / Eds: Demir, N. & Turan, F. Ankara: Grafiker, 2002. P. 307–323.
- ShGS 1998 & Shorskije geroicheskie skazaniya. Kan-Pergen. Altyn-Syryk [Shor heroic epic stories. Kan-Pergen. Altyn-Syryk. Introductory article, preparation of poetic text, translation, commentary by A.I. Chudoyakov; musicological article and preparation of musical text by R. B. Nazarenko]. (Seria Pamyatniki folklorа narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [Series Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). Moskva, Novosibirsk: Nauka, 1998. Vol. 17. 463 p.
- SShK 2014: Skazaniya shorskogo kaichi V. E. Tannagasheva / Otvetstvennyi redaktor E. N. Kusmina [Epic stories told by the Shor kaychi V. E. Tannagashev / Chief Editor E. N. Kusmina] Novosibirsk: RITs NGU, 2014. 318 p.

Sources of examples:

Manuscripts of Shor heroic epic texts

- «Meret sar attyg Meret Oolak» [«Meret Olak, having a magic/wonderful horse»]. Recorded in 1984 (?) by Pavlyuchik from K. I. Turushpanov; deciphering of the audio tape by L. N. Arbachakova // Archive of the Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. — Fond of L. N. Arbachakova. — (2534 lines). (In Shor and Russian).
- «Üsh ochuktyg saryg taiga» [«The yellow mountain with three fireplaces»]. Recorded in January 2002 by L. N. Arbachakova from A. P. Napazakov. Archive of the Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Fond of L. N. Arbachakova). (In Shor).
- «Altyn Kan» [«Altyn Kaan»]. Recorded in 1996 by L. N. Arbachakova from A. V. Ryzhkin // Archive of the Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. — Fond of L. N. Arbachakova, 2 audiotapes, inventory numbers: 12.148; 12.148). (In Shor).
- «Alyp Chekkatjy» [«Alyp Chekkatyy»]. Recorded in 1980(?) by D. A. Funk from M. E. Tokmagasheva // Home archive of D. A. Funk. (In Shor).
- «Kuba Salgyn». [«Kuba Salgyn»] Recorded in 1996 by L. N. Arbachakova from A. P. Napazakov // Archive of the Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Fond of L. N. Arbachakova). (In Shor).

Arbachakova Ljubov Nikitovna, candidate of philology, senior researcher.

RAS, Siberian branch, Institute of Philology.

8 Nikolaeva st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: anzass@mail.ru

Nevskaya Irina Anatol'evna, doctor of science (philology), chief researcher.

RAS, Siberian branch, Institute of Philology.

8 Nikolaeva st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: nevs kayairina60@gmail.com